

Жизнь — такая штука, что пережить ее без чувства юмора невозможно

Не первый год работаю редактором, но все же не рискну утверждать, что я им стал.

Пока считаю, что я скорее исполняю обязанности.

Возможно, потому что хорошо помню редакторов из прежнего времени.

Этаких мамонтов уверенно стоящих на ногах, знающих ответы, кажется, на все вопросы, словно в латы, закованных в темные костюмы и при обязательном галстуке.

У меня же до сих пор и к профессии, и к жизни больше вопросов, чем ответов.

И даже галстуком я до сих пор не обзавелся

Как я стал редактором

Павел Шишкин, главный редактор газеты «Пензенская правда», Пензенская область*

— Когда и при каких обстоятельствах вы приняли решение стать редактором?

— Начиная с детсадовского возраста, я мучительно выбирал стать мне героем — пограничником или звездой мирового футбола. Но в четвертом классе учительница природоведения на уроке при всех сказала: «Не сомневаюсь, что Шишкин станет журналистом». Мне эта идея чем-то понравилась. Единственным препятствием служили оценки за сочинения, которые варьировались от 5/2 до 5/3.

— И как ты с такими оценками собираешься в журналисты?— пытались задеть меня за живое.

— А в газетах для этого корректоры есть, — резонно возражал я.

Проблема эта, кстати, со мной так и осталась. Я могу вычистить все ошибки в чужом тексте, и не увидеть самых элементарных в собственном. Стать журналистом и «любимцем» корректоров мне это в итоге не помешало.

Что касается редакторской карьеры, то ее в моих планах точно не было. Командовать, ставить задачи другим, когда в состоянии сделать сам, мне никогда не нравилось. В 1993 году, будучи заместителем редактора областной «молодежки», остался исполнять

обязанности руководителя на время недельной командировки шефа. Через день после его отъезда грянул октябрьский переворот в Москве. Я немедленно собрал коллектив, передал бразды правления кому-то из изумленных зав. отделов, и вместе с фо-

* Текст написан в июне 2023 года.

токором первым самолетом отправился строчить репортажи из столицы.

Поэтому, когда почти 13 лет назад я дал согласие возглавить «Пензенскую правду», для себя это воспринимал скорее, как очередную профессиональную эпопею из серии «журналист меняет профессию».

На тот момент я работал заместителем редактора в частной городской газете. Планы по ее развитию были весьма амбициозные, но, как водится, взгляды молодой и старой команды достаточно серьезно разошлись, и младшим пришлось уступить. Тут и подоспело приглашение возглавить областное издание.

Единственное, о чем мне «забыли» сказать, газета на тот момент находилась в большой финансовой яме. Первые два месяца хотелось где-нибудь запереться и на люди не показываться, потому что, наверное, только ленивый не задавал при встрече вопрос: «Вы когда долги отдадите?»

Каждое утро начиналось с анализа финансовой ситуации и обсуждения с главбухом и замом кому сегодня немного заплатим, а кто пусть еще подождет. Параллельно надо было менять дизайн, придумывать модель, а главное — выстраивать отношения в коллективе, который не пылал любовью к назначенному со стороны редактору. Коллеги из других изданий сочувствовали.

— Зачем ты согласился? Там же коллектив ужасный, съедят!

Со многими «едим» друг друга по сей день. И есть у меня подозрение, что вкусно не только мне.

— Какое образование вы получили? Считаете ли Вы его достаточным для того, чтобы сегодня состояться в профессии? Пришлось ли вам менять профессию? Получать дополнительное образование?

— Образование у меня самое, что ни на есть профессиональное — газета. После первого курса свердловского журфака я ушел в армию, а вернувшись, устроился на работу в нашу областную молодежку. Все секреты профессии я постигал на практике, которую и по сей день считаю самой лучшей школой. Что касается общего кругозора, который, якобы, в том числе обеспечивает высшее образование, то не раз приходилось сталкиваться с обладателями красных дипломов, поражавших незнанием самых эле-

ментарных вещей. Люди пять лет читали из-под палки обязательную литературу и, вырвавшись на свободу, были счастливы, что могут не читать вообще. У меня самого по сей день существует установка, каким бы тяжелым не выдался день, в конце ты должен минимум 40 минут потратить на чтение. Образование это то, что ты получаешь всю жизнь. И если нет внутреннего стремления к саморазвитию, то никакие дипломы не помогут.

— Кто ваши любимые учителя в профессии? Есть ли коллеги, мнение которых для вас важно? Мнение людей вне профессии?

— С учителями, как и вообще с людьми, мне везло. Всю жизнь рядом оказывались люди, знающие и умеющие больше, и готовые этими знаниями делиться. Хотя на первых порах, меня учили не столько профессии, сколько жизни. Не махать шашкой, и не торопиться судить людей. Чаще быть адвокатом, а не прокурором.

Что журналистика — это не бойкое перо, а взвешенная, подкрепленная железобетонными фактами мысль. Каждый редакционный день становился школой жизни, которой не даст ни один журфак и за которую я благодарен десяткам людей.

— Какие человеческие качества более необходимы для работы редактора?

— Те же, что и в жизни. Надо любить людей, уметь их услышать. Если не уверен, что сможешь сделать — не обещать. Если можешь помочь, постараться это сделать. Быть дипломатом и четко чувствовать ту грань, где дипломатия переходит в предательство основополагающих вещей. А еще способность принимать решения, даже если они не популярные.

— Как складывалась ваша деловая карьера? Что мешало или помогало?

— Я приходил на место, которое считалось расстрельным. За 12 лет сменилось 18 редакторов. Я был девятнадцатым. Но, похоже, власти эта чехарда тоже изрядно надоела, и мне сразу дали трехмесячный карт-бланш, пообещав ни при каком раскладе не трогать, и не вмешиваться в редакционную политику.

Сразу скажу, что обещание это соблюдалось потом еще многие годы. В тот момент в департамент

СМИ, который являлся нашим учредителем, пришла новая команда, молодая, с хорошим опытом реальной работы в нашей сфере, ставившая перед собой задачу поднять государственные СМИ на новый уровень.

Именно при них регулярными гостями в Пензе стали Владимир Касютин, Михаил Вяткин, Владимир Скоробогатко, другие известные профессионалы, готовые делиться опытом.

До того регион варился в собственном соку, а тут и мы, и районки увидели, что может быть и по-другому, что в стране существует масса интересных медийных проектов, и весь этот опыт можно использовать. Потом придут времена куда менее ласковые, но мы уже успели создать неплохой задел, позволяющий оставаться на плаву.

Что касается деловой карьеры... Я не коммерсант, не бизнесмен. Я просто журналист, выполняющий менеджерские обязанности.

— Какую долю времени и внимания вы отдаете внутриредакционной работе, а какую внешним деловым связям?

— Здесь нет четкого деления. Бывают периоды, когда на внутриредакционную работу времени остается минимум.

Скажем, когда мы готовим наш региональный фестиваль СМИ «А мы из Пензы», основная нагрузка ложится на региональное отделение СЖР, которое я возглавляю. И здесь важна редакционная команда, который ты на время можешь спокойно отдать предприятие и не сомневаться, что там будет все в порядке.

В обычное время стараюсь день проводить в редакции, а журналистское и деловое общение переносить на вечер. Со временем стал, наконец, понимать, что в этом графике важное место должна занимать графа «отдых».

По сей день часто вспоминаю великолепного пензенского журналиста Николая Булавинцева. Днем Коля ураганом проносился по городу, властным коридорам, бизнес-офисам, вечерами встречался с героями своих материалов, коллегами, а ближе к полуночи садился за письменный стол, чтобы утром тексты ушли в редакцию. Он успевал потрясюще много и сгорел нескольких месяцев не дожив до 37 лет...

Все-таки жизнь, это не спринт, а марафон. И чтобы не сойти раньше времени с дистанции, надо уметь грамотно себя по ней раскладывать.

— Довольны ли взаимоотношениями в вашем редакционном коллективе? Поощряете ли поиски нового? Как ищете и удерживаете кадры? Как относитесь к критике коллег?

— Коллектив — организм живой и подвижный. Хорошо, когда в нем есть неформальные лидеры, которые и без усилий редактора в состоянии поддерживать нормальный микроклимат.

У нас это, к счастью, есть. И я отдаю себе отчет, что именно он во многом помогает избежать обвальной текучки кадров. Плюс возможность работать в издании, которое старается держать профессиональную планку, даже если обстоятельства складываются не в нашу пользу. При уровне сегодняшних зарплат других ресурсов, чтобы удержать людей в редакции, просто нет.

К критике отношусь нормально, но прежде, чем принять ее, или пройти мимо, ищу ответ на вопрос: А судьи кто?

У нас полстраны критикует футболистов, лежа на диване с кружкой пива. И хорошо, если хоть 10 процентов из них сами хоть когда-то регулярно выходили на поляну. Вот эти 10 процентов, как правило, самые сдержанные из критикующих.

— Вы и современные цифровые технологии — интернет соцсети и т.д., что они для вас значат? Часто ли публикуете посты в соцсетях, оставляете комментарии?

— Соцсети, цифровые технологии для меня рабочий инструмент и не более того. Мне не нравится, что ими сегодня пытаются подменять профессию. Умение ими пользоваться еще не делает человека журналистом, а слушая некоторых современных экспертов, многие из которых сами в СМИ никогда не работали, именно так можно и подумать.

Сам я в соцсетях пишу гораздо реже, чем лет 8—10 назад. И, если честно, то захожу туда в последнее время, как правило, лишь по профессиональной необходимости.

На мой взгляд, сети за последнее время достаточно сильно деградировали. В каком-то смысле стали более маргинальными. Причина, конечно, не в них са-

мих. Еще раз скажу, что они это просто инструмент. Это же не сама сеть поливает оппонента грязью, или постит пафосные глупости.

Был период, когда тон там задавали люди мыслящие. Сегодня ситуация изменилась. Я, кстати, обратил внимание, что сложнее стало брать интервью. Умные собеседники предпочитают особо не открывничать, а мнение других нормальному читателю малоинтересно.

— Какие цели вы наметили для себя на ближайший год?

— Выжить. Постараться сохранить костяк коллектива. Это не значит, что в голове нет новых идей и проектов. Но, зная нынешнюю ситуацию, говорить о них было бы неприлично по отношению к людям.

— Вспомните несколько рабочих моментов — что было самым интересным, что самым трудным, что самым значимым?

— Самое трудное, конечно, многозадачность. Заниматься надо абсолютно всем и чтобы успеть приходится убивать в себе активного журналиста, который бросает все и бежит за интересной темой. Сколько же их за это время прошло мимо... Но, как говорил один из моих мудрых наставников Александр Иванович Марынов (вот уж кто действительно был настоящим редактором!): «Пишущий редактор — горе газете»!

Еще одна серьезная для меня трудность — публичность, необходимость выходить на сцену. Публичные выступления это мой давний личный кошмар. Помню, еще до работы в «Пензенской правде», мы придумали хорошую акцию в поддержку спектакля местного театра. Перед спектаклем мне нужно было вместе с худруком выйти на сцену и что-то сказать. Переживать по этому поводу я начал уже за неделю. Когда же подошел час икс, понял, что никуда не выйду даже под страхом смертной казни, не помогли ни уговоры, ни влитые в меня для храбрости сто грамм коньяка.

До выхода из-за кулис меня буквально за руку вела, одна из самых ярких тогдашних театральных Татьяна Карпекина. На сцену же меня практически вытолкнули. До сих пор, как вспомню, мороз по коже и священный ужас. Но что-то я там все-таки сказал и назад ушел своими ногами.

Самым интересным и значимым, наверное, было празднование столетия «Пензенской правды». Праздник должен был быть одновременно и масштабным, и домашним, семейным. Поэтому готовили его сами, отказавшись от услуг министерства культуры и профессиональных коллективов.

Уже в конце ко мне подошел один из самых известных редакторов в истории газеты Михаил Васильевич Шаров и сказал: «Ребята, вот теперь я спокоен. Газета снова в надежных руках».

А утром начались звонки от других наших ветеранов, которые рассказывали, как всю ночь читали подготовленную к празднику большую книгу об истории газеты и благодарили, что мы все это вспомнили и сохранили. Для нас эта оценка было безумно важной.

Мне это кажется одним из главных отличий редакций с историей от новых медиа. Мы не сами по себе, за нами поколения журналистов. Новоявленным героям без истории и традиций стыдиться некого, а нам еще надо смотреть в глаза наших прославленных стариков...

— Как у вас с чувством юмора?

— Жизнь такая штука, что пережить ее без чувства юмора невозможно. Если ко всему относиться серьезно, то надолго тебя точно не хватит. Вспомните классика: «Я понял в чем ваша беда — вы слишком серьезны. Умное лицо — это еще не признак ума». Замечаю, что, чем дальше, тем больше вокруг серьезных людей и умных лиц. А, значит, и улыбаться приходится чаще.

— Как вы отдыхаете? Есть ли у вас хобби?

— Настоящее хобби требует времени, которого и так постоянно не хватает. Отдых это в основном хорошие книги, кино, и поездки. Я из той категории людей, кому в дороге даже думается лучше.

Полный релакс это когда совсем узким кругом друзей уезжаем осенью за грибами, а летом на рыбалку. Есть у нас заветное место: большое озеро, где домики стоят прямо на воде.

Встанешь, когда нет еще четырех часов, заваришь кофе, забросишь удочки. И вот этот момент до первой поклевки, когда только ты, тишина, и дымка над водой, наверное, единственный, когда я действительно ни о чем не думаю. &